

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№ 3 (31) • 2019

**ЕСПЧ рекомендует: анализ
консультативного заключения по делу семьи Меннессон**

**Межамериканский Суд по правам человека:
ключевые постановления 2018 года**

**Утверждение о факте или оценочное суждение – ЕСПЧ
защищает право журналиста на свободу выражения мнения**

Доказательства 2.0 в международном уголовном процессе

***Kadi, Achmea, Western Sahara*: автономность правопорядка ЕС
или уважение международного права?**

Региональный механизм или ВТО: вот в чём вопрос

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№3 (31) • 2019

Учредитель и издатель
Институт права и публичной политики
<http://www.ilpp.ru>

Редакционный совет

А. И. КОВЛЕР, д.ю.н., профессор
(председатель)
Б. БАУРИНГ, профессор
Л. ГАРЛИЦКИЙ, Ph.D. in Law, профессор
Т. Н. НЕШАТАЕВА, д.ю.н., профессор
А. НУССБЕРГЕР, Dr.jur.habil., профессор
А. Я. КАПУСТИН, д.ю.н., профессор
Р. А. КОЛОДКИН, к.ю.н.
С. М. ПУНЖИН, к.ю.н.
А. УШАЦКА, д.ю.н., профессор
М. Л. ЭНТИН, д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия

Д. С. БОКЛАН, д.ю.н.
Д. В. КРАСИКОВ, к.ю.н., MJur, доцент
В. О. НЕШАТАЕВА, к.ю.н.
И. В. РАЧКОВ, LL.M., к.ю.н.
В. Н. РУСИНОВА, LL.M., д.ю.н.
В. В. СТАРЖЕНЕЦКИЙ, к.ю.н.
М. П. ТРУНК-ФЕДОРОВА, LL.M., к.ю.н.
М. А. ФИЛАТОВА, к.ю.н.
О. С. ЧЕРНЫШОВА, LL.M., к.ю.н.
К. В. ЭНТИН, к.ю.н.

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

Финансовая поддержка
предоставлена также

Журнал издаётся при финансовой поддержке Совета Европы. Ответственность за содержание журнала несёт исключительно Издатель, и оно ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как отражающее позицию Совета Европы

Решением ВАК журнал включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Журнал входит в базу журналов Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, а также в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Свидетельство о регистрации ПИ №Ф077-62149 от 19 июня 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 500 экз. Периодичность – 4 номера в год.
ISSN 2226-2059. Цена свободная.

Подписано в печать 30 сентября 2019 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35.

Отпечатано: ООО «Буки Веди»

115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2019

PRAXIS

RES JUDICATA

МЕЖАМЕРИКАНСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА:
ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЗА 2018 ГОД
Оскар Парра Вера, Эдвард Хесус Перес **3**

СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ ЖУРНАЛИСТАМИ:
КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ДЕЛУ *СКУДАЕВА ПРОТИВ РОССИИ*
ОТ 3 МАРТА 2019 ГОДА (ЖАЛОБА № 24014/7)
Инна Пешина, Илья Шаблинский **18**

EX OFFICIO

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА:
ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ
ОТ 8 ИЮЛЯ 2019 ГОДА ПО ДЕЛУ *МИХАЛАЧЕ (МИНАЛАСНЕ)*
ПРОТИВ РУМЫНИИ (ЖАЛОБА № 54012/10) **29**

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА:
ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОТ 25 ИЮЛЯ 2019 ГОДА (СЕКЦИЯ V)
ПО ДЕЛУ *ДЖАФАРОВ (JAFAROV) И ДРУГИЕ ПРОТИВ*
АЗЕРБАЙДЖАНА (ЖАЛОБА № 27309/14) **39**

SCRIPTORIUM

JUS HONINUM

ПРОБЛЕМЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
В ФОРМАТЕ «СУРРОГАТНОГО ПРАВА»: КОММЕНТАРИЙ
К КОНСУЛЬТАТИВНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ЕСПЧ
ОТ 10 АПРЕЛЯ 2019 ГОДА
Татьяна Храмова **45**

РЕШЕНИЯ СПОРТИВНОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА
И ПАЛАТЫ ФИФА ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ,
ОБЛАДАЮЩИЕ СИЛОЙ ПРЕЦЕДЕНТА
(НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В СФЕРЕ ФУТБОЛА)
Артём Бредихин **59**

JUS CRIMINALE

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ
Александр Евсеев **69**

JUS COMMUNE

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА С ТРЕТЬИМИ СТРАНАМИ
В ПРАКТИКЕ СУДА ЕС
Илья Лифшиц **84**

LEX MERCATORIA

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ В РАМКАХ СОГЛАШЕНИЙ
О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ: АЛЬТЕРНАТИВА МЕХАНИЗМУ
ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ?
Марина Трунк-Федорова **102**

ИНВЕСТИЦИОННЫМ МЕРАМ РОЗНЬ?
СУТЬ КОНЦЕПЦИИ «PERFORMANCE REQUIREMENTS»
Ольга Магомедова **114**

INTERNATIONAL JUSTICE

3 (31) • 2019

Founder and Publisher

Institute for Law and Public Policy
http://www.ilpp.ru

Scientific Advisory Board

A. KOVLER, Dr. of Sc. in Law, Professor (Chairman)
B. BOWRING, Professor
L. GARLICKI, Ph.D. in Law, Professor
A. KAPUSTIN, Dr. of Sc. in Law, Professor
R. KOLODKIN, Ph.D. in Law
T. NESHATAEVA, Dr. of Sc. in Law, Professor
A. NUSSBERGER, Dr.jur.habil., Professor
S. PUNZHIN, Ph.D. in Law
A. USHACKA, Dr. of Sc. in Law, Professor
M. ENTIN, Dr. of Sc. in Law, Professor

Board of Editors

D. BOKLAN, Dr. of Sc. in Law
O. CHERNISHOVA, LL.M., Ph.D. in Law
K. ENTIN, Ph.D. in Law
M. FILATOVA, Ph.D. in Law
D. KRASIKOV, Ph.D. in Law, MJur, Associate Professor
V. NESHATAEVA, Ph.D. in Law
I. RACHKOV, LL.M., Ph.D. in Law
V. RUSINOVA, LL.M., Dr. of Sc. in Law
V. STARZHNETSKY, Ph.D. in Law
M. TRUNK-FEDOROVA, LL.M., Ph.D. in Law

Managing Editor

O. SIDOROVICH, MBA (in P.S.)

Editorial Secretary

A. KRETSUL

Proofreaders

D. UVAROVA
M. SIDOROVICH
K. EGGERT (Eng.)

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

This document has been produced with the financial assistance of the Council of Europe. The views expressed herein can in no way be taken to reflect the official opinion of the Council of Europe.

Published under the sponsorship of the

ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation
Phones: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35
E-mail: ilpp-ij@mail.ru
http://www.ilpp.ru/journal/ijj/

© Institute for Law and Public Policy, 2019

PRAXIS

RES JUDICATA

- INTER-AMERICAN COURT ON HUMAN RIGHTS:
A REVIEW OF PRACTICE FOR 2018 **3**
Oscar Parra Vera, Edward Jesús Pérez

ES JUDICATA

- FREEDOM OF EXPRESSION OF JOURNALISTS: CASE COMMENT
TO THE ECtHR JUDGMENT *SKUDAYEVA V. RUSSIA* **18**
OF 3 MARCH 2019 (APPLICATION NO. 24014/7)
Inna Peshina, Iliya Shablinskiy

EX OFFICIO

- EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS:
REVIEW OF THE GRAND CHAMBER JUDGMENT OF 8 JULY 2019
IN THE CASE OF *MIHALACHE V. ROMANIA* **29**
(APPLICATION NO. 54012/10)
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS:
REVIEW OF THE JUDGMENT OF 25 JULY 2019 (SECTION V)
IN THE CASE OF *JAFAROV AND OTHERS V. AZERBAIJAN* **39**
(APPLICATION NO. 27309/14)

SCRIPTORIUM

JUS HOMINUM

- SURROGACY ISSUES IN THE FORMAT OF "SURROGATE" LAW:
A COMMENT ON THE ADVISORY OPINION
OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS OF 10 APRIL 2019 **45**
Tatiana Khramova

- DECISIONS OF THE COURT OF ARBITRATION FOR SPORT
AND THE FIFA DISPUTE RESOLUTION CHAMBER
VIEWED AS PRECEDENTS (LABOR DISPUTES CASES
IN THE FIELD OF FOOTBALL) **59**
Artem Bredikhin

JUS CRIMINALE

- FEATURES OF EVIDENCE IN THE PRACTICE
OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE **69**
Oleksandr Yevsieiev

JUS COMMUNE

- INTERNATIONAL AGREEMENTS OF THE EU MEMBERS
WITH THE THIRD COUNTRIES IN THE CJEU JURISPRUDENCE **84**
Ilya Lifshits

LEX MERCATORIA

- DISPUTE SETTLEMENT UNDER FREE TRADE AGREEMENTS:
AN ALTERNATIVE TO THE MECHANISM
OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION? **102**
Marina Trunk-Fedorova

- DIFFERENT TO INVESTMENT MEASURES?
THE NATURE OF PERFORMANCE REQUIREMENTS **114**
Olga Magomedova

Особенности доказывания в практике органов международного уголовного правосудия

Александр Евсеев*

В статье рассматривается блок проблем, связанных с процессом доказывания перед органами международного уголовного правосудия – Международным уголовным судом, а также двумя международными уголовными трибуналами *ad hoc* – по бывшей Югославии и по Руанде. Подчёркивается влияние, которое оказали институты англосаксонского, в том числе доказательственного, права на учредительные документы и практическую деятельность указанных юрисдикционных органов. Аппелируя к прошлому международной уголовной юстиции, главным образом опыту Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов, автор констатирует существенные изменения, которые произошли за прошедшие десятилетия в сфере характеристик и самого перечня доказательств, которыми оперируют международные суды. В частности, констатируется всё более широкое использование видеодокументов, а также электронных доказательств, получающих благодаря сети Интернет всё более широкое распространение. Особое внимание уделено устным показаниям свидетелей и подсудимых, по-прежнему остающихся *conditio sine qua non*, осуществляемой в строгих процессуальных формах юридической деятельности, направленной на установление фактических обстоятельств. Делаются интроспекции в конкретные судебные разбирательства, имевшие место в период существования Международного трибунала по бывшей Югославии, прежде всего в процесс по делу бывшего Президента Сербии С. Милошевича. Предпринимается попытка выделить некие общие проблемные моменты, характерные для всех видов доказательств в международном уголовном процессе.

→ Судебное познание; доказательства; доказывание; Международный уголовный суд; Международный трибунал по бывшей Югославии; Международный трибунал по Руанде

DOI: 10.21128/2226-2059-2019-3-69-83

1. Введение

Совсем недавно, 15 января 2019 года, Международный уголовный суд (*далее* – МУС) оправдал Л. Гбагбо и Ч. Бле Гуде в совершении преступлений против человечности на территории Кот-д’Ивуара в 2010–2011 годах. Суд не нашёл вины бывшего Президента этой страны и его сподвижника главным образом потому, что Прокурор не предоставила достаточных доказательств ответственности подсудимых за политический конфликт,

вспыхнувший в рамках президентских выборов 2010 года. В частности, по мнению судей Судебной палаты I, не были доказаны такие основные элементы преступлений, как существование «общего плана» сохранять власть Гбагбо, которое включает в себя совершение преступлений против гражданского населения «на основании или в интересах осуществления политики государства или организации». Более того, Канцелярия Прокурора не доказала существование форм насилия, которые могли бы свидетельствовать о наличии «политики нападения на гражданское население». Также не удалось доказать, что публичные речи Гбагбо и Бле Гуде должны быть квалифицированы как приказ, подстрекательство или побуждение совершить преступления против человечности¹.

* Евсеев Александр Петрович – кандидат юридических наук, доцент департамента дисциплин публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: arevseyev@gmail.com). В основу статьи легло исследование автора, представленное на круглом столе «Процессуальные вопросы рассмотрения дел в национальных и международных судах: представительство и доказывание», организованном факультетом права НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, 11 апреля 2019 года).

¹ Подробнее о деле см.: International Criminal Court. *The Prosecutor v. Laurent Gbagbo and Charles Ble Goude*. Trial Cham-

Примечательно, что МУС действовал в процедуре так называемого «частичного оправдания до окончания дела» (англ.: *no case to answer*), согласно которой после окончания представления доказательств стороной обвинения суд может постановить, что доказательства, представленные Прокурором, недостаточны для осуждения по тем или иным статьям обвинения. Впрочем, это не препятствует защите представить свои доказательства по оставшимся статьям.

Как бы то ни было, юридическое сообщество в очередной раз убедилось, что в международном уголовном процессе исход дела зависит исключительно от качества и убедительности добытых сторонами доказательств, а не от силы медийного шума, заранее назначившего виновных в случившемся в Кот-д'Ивуаре. Между тем анализ доказательственного материала, использованного в деле *Прокурор против Гбагбо и Бле Гуде*, как и во множестве иных, затрагивает целый ряд сложнейших проблем, связанных с относимостью и допустимостью доказательств, критериями их оценки сторонами и судебным составом, распределением бремени доказывания и некоторыми другими вопросами, традиционно лежащими за пределами интересов отечественной юридической науки. Приходится констатировать, что если доказательства в международном гражданском процессе не становились объектом изучения таких видных учёных, как И. В. Гетьман-Павлова, И. Г. Медведев, Т. Н. Нешатаева, И. Г. Ренц, М. А. Филатова², то в отношении доказательств, которыми оперируют МУС и международные уголовные трибуналы *ad hoc*, существует определённый вакуум, связанный, по всей видимости, с большей привлекательностью арбитражно-цивилистических процедур как на материальном, так и, учитывая степень разработанности доктрины, на чисто профессио-

нальном научном и практическом уровне³. Последняя же известная нам работа, опубликованная на русском языке и относящаяся к теме доказательств в международном уголовном процессе, датируется 1948 годом⁴. Безусловно, сложившееся положение вещей нельзя признать приемлемым, особенно учитывая тот факт, что за рубежом данная проблематика является едва ли не доминирующей в общем массиве литературы, посвящённой проблемам международного уголовного правосудия. И не мудрено, ведь никакая судебная деятельность, тем более осуществляемая на международном уровне, не мыслима без установления фактических обстоятельств, чему, собственно, и служит собирание и исследование доказательств.

Значимость этой темы проявляется, если можно так выразиться, даже на вербальном уровне. Любопытно, что юридические переговоры наподобие «всё дело — в доказательствах», «доказательства — кровь (как вариант — душа) судебного процесса» и т. п., широко распространённые в недрах англосаксонской правовой семьи, с успехом перекочевали в деятельность международных уголовных судов, чьи регламенты восприняли многие подходы англосаксонского процессуального права (формальную истину, «сделки о признании вины», концепцию «пассивного судьи» и т. д.). В этой связи представляется вполне правдоподобным утверждение профессора М. Шарфа о том, что Устав Международного трибунала по бывшей Югославии (*далее* — МТБЮ) был написан пятью американскими юристами буквально за считанные недели⁵, а Правила процедуры и доказывания принимались судьями под пристальным контролем их коллеги из США Г. Макдональд, приехавшей в Гаагу с уже готовым проектом Правил, разработанным влиятельнейшей

ber I. Oral Decision of 15 January 2019. URL: <https://www.icc-cri.int/cdi/gbagbo-goude> (дата обращения: 28.04.2019).

² См.: Ренц И. Г. Факты и доказательства в международных спорах: между истиной и справедливостью. М.: Статут, 2018; Гетьман-Павлова И., Филатова М. Получение и представление доказательств в международном гражданском процессе (отдельные теоретические и практические проблемы) // Международное правосудие. 2017. № 3(23). С. 96–109; Медведев И. Г. Доказательства в международном гражданском процессе // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002–2003. № 2. С. 228–281.

³ Определённое исключение в этом отношении составляет статья Е. А. Копыловой (см.: Копылова Е. Преступление дачи ложных показаний под присягой в международном уголовном праве // Международное правосудие. 2016. № 2(18). С. 108–118), а также несколько работ учёного-международника А. Б. Мезяева, затрагивающих, правда, исследуемую нами проблематику лишь косвенно. Наиболее яркая из них: Мезяев А. Процесс против С. Милошевича в Гаагском трибунале: Записки из зала суда. Кн. 1. Казань: Титул-Казань, 2005.

⁴ См.: Розенблюм С. Я. Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе. М.: Юриздат, 1948.

⁵ См.: Scharf M. *Balkan Justice*. Durham: Carolina Academic Press, 1997. P. 55.

Американской ассоциацией адвокатов (англ.: *American Bar Association*)⁶.

Естественно, в рамках настоящей публикации нельзя охватить всё многообразие проблем, вызванных к жизни процессом доказывания в органах международного уголовного правосудия. Да и вряд ли это вообще возможно, учитывая тот факт, что на Западе доказательственное право (англ.: *law of evidence*) рассматривается в качестве своеобразного «гиперинститута» международного уголовно-процессуального права, а иногда — даже как некая автономная отрасль последнего⁷. Поэтому остановимся лишь на тех тенденциях, которые в последние годы особенно ярко обозначились в практике международных уголовных трибуналов и которые в то же время ещё ждут своих исследователей и должной нормативной регламентации.

2. Расширение каталога доказательств: дань моде или веление времени?

С. Я. Розенблит указывал, что доказательствами в международном уголовном процессе являются: 1) устные доказательства (англ.: *oral evidence*), то есть показания свидетелей и подсудимых; 2) письменные доказательства (англ.: *documentary evidence*), к которым автор относил письменные показания подсудимых и свидетелей, данные под присягой (так называемые аффидевиты), другие судебные дела и их материалы, доклады неправительственных организаций (в те годы преимущественно Красного Креста), разведывательные донесения и даже дневники и письма частных лиц, если они имеют отношение к делу⁸.

Между тем уже во времена Нюрнбергского и Токийского судебных процессов соответственно 1945—1946 и 1946—1948 годов, помимо перечисленных выше, широкое распространение получили вещественные доказательства (англ.: *exhibit*), например большое количество золотых коронок и зубов,

вырванных у казнённых в лагерях смерти, образцы изделий из человеческой кожи, выработывавшиеся в тех же лагерях, образцы мыла из человеческого жира и т. д.⁹ Но самое главное, что на обоих процессах фигурировали в качестве доказательств кинофильмы (англ.: *visual evidence*).

Изначально это была дань, как вообще очень многое в международном правосудии, англосаксонской традиции. Так, по оценкам историков, впервые кинофильм в качестве судебного доказательства демонстрировался в США не ранее 1915 года. Использовались видеозаписи и позднее, в 1920-х годах. В частности, в деле *Гибсон против Ганна*, разрешённом по существу в 1923 году, признавалось, что демонстрация перед судом присяжных видеозаписи, на которой истец танцевал и пел комические куплеты, превратила судебное заседание в фарс, свидетельством чему стал необоснованный, по мнению апелляционного суда, вердикт, вынесенный присяжными заседателями¹⁰. Более того, широко известны уголовные дела, где видеозапись является фактически единственной имеющейся в распоряжении следствия уликой. Классический пример — 26-секундный любительский фильм А. Запрудера, случайно запечатлевший убийство 35-го Президента США Дж. Ф. Кеннеди. Впрочем, на Нюрнбергском процессе и позднее, в ходе судебных разбирательств в МТБЮ, демонстрировались совсем другие фильмы.

Дело в том, что нацисты, как справедливо отмечается в научной литературе, были помещены на документировании собственных преступлений¹¹. Видимо, им казалось, что они пишут новую историю Германии. Поэтому продемонстрировать в судебном заседании более 55 000 документов, имевших отношение к военным преступлениям гитлеровцев, отречься от всяческих обвинений, значило неизбежно затянуть процесс, тем самым обманув ожидания мировой общественности и жертв Второй мировой войны¹². Поэтому в

⁶ См.: *Tochilovsky V. The Nature and Evolution of the Rules of Procedure and Evidence // Principles of Evidence in International Criminal Justice / ed. by K. Khan, C. Buisman, C. Gosnell. New York : Oxford University Press, 2010. P. 157—184, 159.*

⁷ См.: *Головки Л. В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Кн. 11. М. : Правоведение, 2009. С. 227—360, 259.*

⁸ См.: *Розенблит С. Я. Указ. соч. С. 9, 10.*

⁹ См.: Там же. С. 10.

¹⁰ См.: *Douglas L. Film as Witness: Screening “Nazi Concentration Camps” Before the Nuremberg Tribunal // The Yale Law Journal. Vol. 105. 1995. No. 2. P. 449—481, 451.*

¹¹ См.: *Combs N. A. Fact-finding Without Facts. New York : Cambridge University Press, 2010. P. 11.*

¹² К сожалению, этот риск в полной мере не осознавался в МТБЮ. Как отмечает А. Н. Антонов, первое обвинительное заключение в отношении лидера боснийских сербов Р. Карад-

целях *оптимизации доказательственно-го материала* главный обвинитель от США Р.Джексон, ранее поставивший своим людям задачу описать «невообразимые события заслуживающими доверия доказательствами» (англ.: *incredible events by credible evidences*), решил прибегнуть к необычному приёму — показать участника процесса и уже успевшей заскучать публике, представлявшей собой пёструю смесь журналистов и профессиональных разведчиков, часовой фильм в виде подборки наиболее жутких кадров, снятых союзниками при освобождении концентрационных лагерей.

Сохранились воспоминания судебного психиатра доктора Г.Гилберта о том, какова была реакция подсудимых на демонстрацию 30 ноября 1945 года данного фильма. Достаточно сказать, что бывшего рейхсминистра иностранных дел И. фон Риббентропа хватило лишь на первую треть, после чего тот про сидел оставшееся время с закрытыми глазами¹³. Тем самым продемонстрированные кадры оказали фрустрирующее воздействие на подсудимых и даже на некоторое время парализовали работу их защитников, не ожидавших такого развития событий. По свидетельству полковника юстиции С. Я. Розенблита, бывшего одним из участников советской фазы обвинения, демонстрация этого фильма вкупе с другими доказательствами особенно больно ударила по позиции Э.Кальтенбрунера, бывшего руководителя Главного управления имперской безопасности (РСХА), в чьём ведении и находился концлагерь¹⁴.

Но ещё более удивительным выглядит тот факт, что не только документальные, но и художественные фильмы, разумеется, уже не претендующие на статус судебных доказательств, могут внести свою лепту в восстановление справедливости. В литературе приводится красноречивый пример, как аргентинские фильмы «Официальная версия» и «Ночь карандашей», увидевшие свет во второй половине 1980-х и повествующие об

ужасах правления военной хунты в период 1976—1983 годов, стали в известной степени играть роль некоего документа, моделирующего коллективную память. Поскольку происходившее в аргентинских тайных тюрьмах, в отличие от нацистских концлагерей, практически не документировалось, а то, что документировалось, было по большей части уничтожено, оба фильма заменили в сознании зрителей отсутствующий «видеоряд» целого куска прошлого¹⁵. Аналогичным образом заставил задуматься миллионы немцев транслировавшийся в ФРГ в 1978 году американский мини-сериал «Холокост», вновь в полный рост обозначивший проблему коллективной вины немецкого народа за случившееся в 30—40-е годы XX столетия.

Повторимся, эти произведения массовой культуры не претендовали и не могли *stricto jure* претендовать на роль судебных доказательств. Однако все они, будучи формой «проработки прошлого»¹⁶, вкупе с другими элементами переходного правосудия (национальным и/или международным уголовным правосудием, люстрационными процедурами, реституцией собственности, некогда конфискованной у жертв военных преступлений) содействовали восполнению «лакуны безнаказанности» и, как следствие, существенным образом меняли в общественном сознании оценку произошедшего в ходе того или иного конфликта. В свою очередь, психологический климат, отражающий общественную поддержку преследования военных преступников, становился важным фактором, заметно влиявшим на готовность национальных властей сотрудничать с органами международного уголовного правосудия либо преследовать военных преступников своими силами. Юридическая сила кино- и фотоматериалов в международном уголовном процессе зиждется на подходе, получившем название «аутентичного свидетеля» (англ.: *authenticating witness*). Иными словами, соответствующий материал признаётся допустимым только в том случае, если на суде присутствует человек, который сделал соответствующие фотоснимки либо записал видеоряд (или, по крайней мере, дан-

жичка было направлено в суд 25 июля 1995 года, а арестован он был лишь 21 июля 2008 года. См.: Григорьев В. Н., Антонов А. Н. Решение Трибунала по бывшей Югославии по делу Готовина/Маркач как (очередной) провал международного правосудия // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 3. С. 9—15, 12.

¹³ См.: Гилберт Г. Нюрнбергский дневник. М.: Вече, 2012. С. 38, 39.

¹⁴ См.: Розенблит С. Я. Указ. соч. С. 11.

¹⁵ См.: Baer A., Sznajder N. Memory and Forgetting in the Post-Holocaust Era. New York: Routledge, 2017. P. 37.

¹⁶ Подробнее см.: Евсеев А. «Проработка прошлого»: сложность судебного познания // Международное правосудие. 2017. № 4 (24). С. 122—136.

ные материалы подтверждены свидетельскими показаниями). После того, как он, подобно любому другому свидетелю обвинения или защиты, будет подвергнут прямому, а затем и перекрёстному допросам, указанные материалы, наряду с другими доказательствами, будут оценены судебным составом по внутреннему убеждению¹⁷. Такой подход объясняется тем, что процесс англо-американского типа, как подчёркивал С. Я. Розенблит, отдаёт показаниям свидетелей предпочтение перед всеми другими видами доказательств, мотивируя это тем, что правдивость свидетелей может быть проверена сторонами в присутствии суда¹⁸. Тем не менее в некоторых национальных юрисдикциях, например в ряде штатов США, подобного рода доказательства признаются недопустимыми на том основании, что их «шокирующее воздействие» может губительно сказаться на непредвзятости присяжных заседателей¹⁹.

Справедливости ради отметим, что воспитательная роль и доказательственное значение подобного рода материалов высоко ценятся и в наши дни. Достаточно сказать, что одним из факторов, «подстегнувших» создание в 1993 году МТБЮ, стали без преувеличения облетевшие весь мир фотографии репортёра журнала «Newsweek» Р.Хавива, сделанные им в лагерях для интернированных годом ранее²⁰. И хотя вначале эти фотографии не были сочтены допустимыми²¹, тем не менее психологическое воздействие, которое они оказали на мировые элиты, принимавшие решение о создании Трибунала, было неоспоримо. Впоследствии многие фотографии Р.Хавива, включая знаменитые кадры зачистки «Тиграми Аркана» боснийской Биелины, уже в качестве признанных относимыми и допустимыми доказательствами, фигурировали в материалах обвинения по делу *Прокурор против Желько Ражнатовича*, а также демонстрировались на процессах С. Милошевича и Р. Караджича²².

Хотя Югославская война 1991–1995 годов до недавнего времени считалась самой задокументированной за всю историю человечества (сейчас эту горькую «пальму первенства» у неё переняла война в Сирии, о которой будет сказано ниже), тем не менее доказательственное право за 25 лет функционирования МТБЮ сталкивалось с не меньшими вызовами, чем трибуналы, созданные после окончания Второй мировой войны. Во многом они были даже большими, принимая во внимание, во-первых, то обстоятельство, что сотрудники Трибунала зачастую не имели доступа не то что в определённые районы, а в целые страны, в отличие от своих предшественников, безраздельно владевших всей документацией, которая только была в поверженном Берлине или капитулировавшем Токио, а во-вторых, МТБЮ занимался не только высшими должностными лицами, «крупной рыбой», как любили говорить американские юристы, но и множеством рядовых исполнителей (англ.: *perpetrators*), особенно на ранних этапах своей деятельности. Это одновременно облегчало и усложняло задачу: облегчало потому, что уличить рядового исполнителя всегда легче, чем командующего или главу государства, а усложняло, поскольку за огромным количеством обвиняемых (в общей сложности через МТБЮ прошёл 161 человек и ещё несколько десятков дел были переданы на местный уровень) терялись нити, связывавшие, по образному выражению Ф. Хартманн, «правительственные кабинеты с полями смерти»²³.

Кроме того, как метко подметил крупнейший исследователь темы П. Мэрфи, участникам разбирательств, и в первую очередь Прокуратуре Трибунала, необходимо было добыть доказательства «в стране, распавшейся на несколько частей; опросить свидетелей, часть из которых погибла, а часть — была непоправимо травмирована; добыть доказательства в условиях, когда множество релевантных документов было уничтожено или сознательно утаивалось национальными властями, не желавшими сотрудничать с Трибуналом, и, наконец, нередко после того, как с

¹⁷ См.: Douglas L. Op. cit. P. 466.

¹⁸ См.: Розенблит С. Я. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ См.: Douglas L. Op. cit. P. 467.

²⁰ См.: Hazan P. Justice in a Time of War. Texas, TX : A&M University Press, 2004. P. 12.

²¹ См.: Tochilovsky V. The Law and Jurisprudence of the International Criminal Tribunals and Courts. 2nd ed. Cambridge : Intersentia, 2014. P. 808.

²² Подробнее см.: Petrovic V. Power(lessness) of Atrocity Images: Bijeljina Photos Between Perpetration and Prosecution of War

Crimes in the Former Yugoslavia // International Journal of Transitional Justice. Vol. 9. 2015. No. 3. P. 367–385.

²³ Хартманн Ф. Мир и наказание: тайные войны международной политики и правосудия / вступ. ст. и науч. ред. А. П. Евсеева. Х. : Юрайт, 2018. С. 83.

момента совершения преступлений проходило не меньше десятилетия»²⁴.

Наверное, во многом по этим причинам правила доказывания в международных и интернационализованных (ещё именуемых «гибридными») уголовных трибуналах гораздо гибче, чем, скажем, в национальных судах. Первые эта традиция зародилась в Нюрнберге, где Устав Международного военного трибунала чётко провозгласил, что вопрос о допустимости доказательств решается в каждом конкретном случае: «Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств. Он устанавливает и применяет возможно более быструю и не осложнённую формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательственную силу» (статья 19). Да и сейчас, если мы откроем устав или «правила процедуры» любого другого трибунала, то увидим аналогичную картину.

Так, Римский статут МУС устанавливает, что «стороны могут представлять доказательства, относящиеся к делу, в соответствии со статьёй 64. Суд правомочен требовать представления всех доказательств, которые он считает необходимыми для установления истины. Суд может в соответствии с Правилами процедуры и доказывания вынести решение об относимости или допустимости любых доказательств, принимая при этом во внимание, наряду с прочим, их силу, а также вред, который такие доказательства могут причинить проведению справедливого судебного разбирательства или справедливой оценке показаний свидетеля» (статья 69). В свою очередь, в Правилах процедуры и доказывания Суда сказано, что «Палата в соответствии с дискреционными полномочиями... правомочна беспрепятственно оценивать все представленные доказательства, чтобы определить их относимость или допустимость согласно статье 69» (правило 63). В Правилах процедуры МТБЮ содержалось положение, согласно которому Палата могла принять любое релевантное доказательство, которое она сочла имеющим доказательственную силу. Эквивалентное положение без труда можно

найти в Правилах процедуры Международного трибунала по Руанде (*далее* — МТР) и гибридного суда по Сьерра-Леоне. Также судебным палатам в обоих трибуналах предоставлялось право исключать из перечня доказательств любое, если они сочли его несовместимым с требованиями справедливого разбирательства.

Приведённые примеры демонстрируют такой процессуальный метод постулирования доказательств, как *доказывание через запрет*. Иными словами, в доказывании разрешено всё, что прямо не запрещено. Закономерным результатом такого подхода выглядят Правила процедуры «гибридного» суда по Камбодже. В частности, чрезвычайные палаты в судах этой страны, созданные для расследования преступлений «красных кхмеров», исходят из того, что «любое доказательство является допустимым, за исключением тех, которые обозначены в настоящих международных правилах» (правило 87). В числе последних — не относимые к делу или повторяющиеся, те, которые невозможно получить в разумные сроки, непредназначенные для доказывания тех фактов, которые они призваны подтвердить, способствующие чрезмерному затягиванию процесса и т.д.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что судьи, рассматривавшие дело бывшего Президента Сербии С. Милошевича, благосклонно отнеслись к демонстрации 1 июня 2005 года одной документальной плёнки, вызвавшей настоящий фурор в зале заседаний и не меньший — за его пределами.

В тот день обвинитель Дж. Найс проводил перекрёстный допрос свидетеля защиты — сербского генерала полиции О. Стевановича, занимавшего во время войны пост заместителя министра внутренних дел сербско-черногорской федерации. Тот утверждал, что парамилитарные военизированные формирования, наподобие «Тигров Аркана», если и совершали преступления, то делали это в отрыве от государственной машины, исключительно по собственной инициативе, и никакая официальная структура, включая МВД, не имела к ним ни малейшего отношения. В самый разгар допроса Дж. Найс неожиданно произнёс: «Я собираюсь показать вам одну “нарезку” из кинохроники. Видео длится почти два часа, но я продемонстрирую всего несколько минут, чтобы дать некий контекст.

²⁴ Murphy P., Baddour L. International Criminal Law and Common Law Rules of Evidence // Principles of Evidence in International Criminal Justice / ed. by K. Khan, C. Buisman, C. Gosnell. P.96–156, 153.

Буквально несколько клипов... Они не претендуют на то, чтобы стать вещественными доказательствами. Считайте это своеобразным введением в курс дела»²⁵.

После этого на экране возникли священник сербской православной церкви, благословляющий бойцов отряда «Скорпионы», дорога Пале-Сребреница, на которой упомянутые бойцы демонстративно расстреливали несколько боснийских мусульман, наконец, сам С. Милошевич, приехавший с визитом в упомянутое подразделение, бойцы которого обращались к нему «наш Верховный Главнокомандующий». После демонстрации плёнки Дж. Найс попросил О. Стевановича прокомментировать увиденное, на что свидетель ответил, что он «расстроен и ему нечего сказать»²⁶. Председательствующий судья П. Робинсон сразу поинтересовался у О. Стевановича, согласен ли он с тезисом обвинения о том, что именно «Скорпионы» под кинокамеру, демонстративно расстреливали на заблокированной ими дороге беженцев из Сребреницы? На этот вопрос генерал полиции, не желая ослаблять позицию защиты, ответил уклончиво²⁷.

Вместе с тем резонанс от продемонстрированного в Гааге на Балканах был даже сильнее, чем в зале заседаний. Спустя несколько часов эти кадры показали по всем сербским телеканалам, а тогдашний Президент Сербии В. Коштуница признался, что после увиденного долго не мог уснуть. В ту же ночь были арестованы четверо бывших бойцов этого подразделения, которых удалось идентифицировать благодаря киноплёнке. Фактически это видео приоткрыло «завесу молчания», столь ощутимую в Сербии после войны, и послужило едва ли не узловым моментом, зародившим сомнения у миллионов людей в правомерности средств, которые использовались в благородной, в сущности, задаче сохранения территориальной целостности Югославии. Напоследок отметим, что со временем защита С. Милошевича научилась мастерски использовать видеодоказательства, передав суду не менее 50 видеоматериалов,

на которые обвинение откликнулось 117 видеозаписями²⁸.

Новейшей тенденцией, которую не может игнорировать сегодня международное уголовное правосудие, является лавинообразный рост количества видеоматериалов, не размещённых, как раньше, на конкретном материальном носителе, а оцифрованных и выложенных в сети Интернет. Иными словами, речь идёт о появлении ещё одного вида доказательств — электронных (англ.: *digital evidence*). Так, в начале 2019 года шведский суд, исходя из принципа универсальной юрисдикции, приговорил за совершение международных преступлений исламиста из Ирака Б. Саида-Саида к 15 месяцам тюремного заключения на основании, главным образом, фото- и видеоматериалов, сделанных в 2015 году и размещённых на его персональной странице в социальной сети «Facebook»²⁹. Любопытно, что в той же Швеции учреждена специальная Комиссия по военным преступлениям, куда входят 13 следователей и 2 аналитика, занимающиеся сбором релевантной информации в сети Интернет о совершённых в Сирии военных преступлениях и лицах, в них замешанных³⁰.

Что говорить о национальных судах, если в МУС уже создан специальный «кибер-отдел» (англ.: *Cyber Unit*), основной функцией которого является идентификация людей, фигурирующих в выложенных во «всемирной паутине» записях безрассудных казней, пыток и прочих преступлений, совершаемых в зоне того или иного вооружённого конфликта. Как следствие, в порядке на арест, выданном МУС 15 августа 2017 года в отношении гражданина Ливии М. Аль-Верфалли, приведены семь эпизодов преступной деятельности последнего, взятые опять-таки с его персональной страницы в «Facebook» и других электронных ресурсов³¹. По той же причине

²⁸ См.: *Petrovic V. Power(lessness) of Atrocity Images: Bijeljina Photos Between Perpetration and Prosecution of War Crimes in the Former Yugoslavia*. P. 378.

²⁹ См.: *Iraqi man convicted in Sweden of war crimes* // AP News. 2019. 19 February. URL: <https://www.apnews.com/4ce91121399e467d86d4a5af325cac80> (дата обращения: 21.07.2019).

³⁰ "These are the Crimes we are Fleeing". Justice for Syria in Swedish and German Courts: Report of Human Rights Watch. 2017. 3 October. URL: <https://www.hrw.org/report/2017/10/03/these-are-crimes-we-are-fleeing/justice-syria-swedish-and-german-courts> (дата обращения: 28.04.2019).

³¹ См.: International Criminal Court. *The Prosecutor v. Mahmoud Mustafa Busayf Al-Werfalli*. Pre-Trial Chamber I. Warrant of

²⁵ Цит. по: *Petrovic V. A Crack in the Wall of Denial: The "Scorpions" Video in and out of the Courtroom* // *Narratives of Justice in and out of the Courtroom* / ed. by D. Zarkov, M. Glasius. The Hague : Springer International Publishing, 2014. P. 89–110, 94.

²⁶ Ibid. P. 95.

²⁷ См.: Ibid.

одним из основных направлений деятельности нового «Международного беспристрастного и независимого механизма по Сирии», учреждённого Генеральной Ассамблеей ООН в конце 2016 года, стал постоянный мониторинг электронных ресурсов на предмет идентификации лиц, фигурирующих в видеоматериалах, связанных с применением насилия по отношению к военнопленным и мирному населению на территории Сирийской Арабской Республики³². На таком фоне едва ли не раритетными выглядят обнародованные в 2013 году 50 000 фотографий из секретных тюрем, переданные прессе бывшим сотрудником сирийской службы безопасности под псевдонимом Цезарь.

Разумеется, все эти материалы будут оцениваться судом в совокупности с другими доказательствами. Скорее всего, будет предпринята попытка выяснить, кем и при каких обстоятельствах были сделаны соответствующие записи. Не исключено также, что в ходе процесса одна из сторон попытается объявить их сфальсифицированными (англ.: *fake evidence*), что уже имело место в ходе разбирательств межгосударственных жалоб Грузии против Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека. Но как бы то ни было, электронные доказательства всё увереннее входят в орбиту международного уголовного правосудия, и нельзя не принимать это во внимание.

Более того, ещё в 2003 году в Правила процедуры МТБЮ и МТР была внесена поправка, предусматривавшая возможность раскрытия Прокурором доказательств в электронной форме, хотя до этого оно осуществлялось исключительно в виде бумажных копий. Впрочем, данное процессуальное действие с тех пор уже успело «обрасти» рядом оговорок и ощутимых ограничений. Так, в деле М. Лукича Судебная палата МТБЮ подчеркнула, что простого размещения свидетельских показаний в «Электронной программе раскрытия доказательств» (англ.: *Electronic Disclosure Suite*) недостаточно для

того, чтобы обвинение считалось выполненным свои позитивные обязательства. Позднее эта позиция была развита в деле Р. Карджича, в котором Трибунал не обнаружил каких-либо процессуальных нарушений со стороны обвинения, не только разместившего новые доказательства в электронной программе, но также оперативно проинформировавшего защиту об их размещении в специальной папке-файле отдельно от общей коллекции собранных доказательств³³.

3. Доказательства в Международном уголовном суде

Не будет преувеличением сказать, что качество расследования, осуществляемого Прокурором МУС, во многом определяется его объективностью, а та, в свою очередь, детерминирована теми доказательствами, которые будут собраны. В литературе правильно отмечается, что если Прокурор будет предвзят, если он или она будет черпать доказательственную информацию из одного лишь источника (например, от официальных властей государства), то такое положение дел неминуемо скажется на объективности расследования и неизбежно приведёт к ощутимому перекосу в пользу одной из сторон конфликта, разбираемого Судом³⁴. В статье 15 Римского статута МУС закреплено положение, согласно которому Прокурор может запрашивать дополнительную информацию у государств, органов ООН, неправительственных или неправительственных организаций или из иных надёжных источников, которые он сочтёт подходящими, и может получать письменные или устные свидетельства в месте пребывания Суда.

В принципе в МУС возможны две ситуации, по-разному влияющие на скорость сбора и оценки доказательств: 1) когда имеет место вооружённый конфликт между государством и его «внесистемными» акторами и 2) когда имеет место вооружённый конфликт между государствами. В первом случае Прокурору бывает достаточно нескольких месяцев для

Arrest of 15 August 2017 No. ICC-01/11-01/17. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2017_05031.PDF (дата обращения: 28.04.2019).

³² Подробнее см.: *Евсеев А. П.* Возможные пути осуществления международного правосудия для Сирии // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. 2018. Випуск 25. С. 134–140.

³³ См.: *Tochilovsky V.* The Law and Jurisprudence of the International Criminal Tribunals and Courts. P. 221, 222.

³⁴ См.: *Tochilovsky V.* Objectivity of the ICC Preliminary Examinations // *Quality Control in Preliminary Examination* / ed. by M. Bergsmo, C. Stahn. Vol. 2. Brussel : TOAEP, 2018. P. 395–410, 395.

сбора первичных доказательств и обращения с ними в Палату предварительного производства. Так, изучение ситуации в Конго заняло всего два месяца, Кот-д'Ивуаре — пять месяцев, Уганде и Мали — полгода. Между тем на предварительное изучение ситуации в Грузии Прокурору понадобилось восемь лет, Афганистане — десять лет, ситуация в Ираке находится на рассмотрении с 2014 года, а в Палестине — с 2015 года³⁵.

Согласно части 7 статьи 61 Римского статута Палата предварительного производства на основе слушания определяет, имеются ли в отношении каждого из преступлений, обвинение в совершении которого выдвигается против лица, достаточные доказательства, подтверждающие существенные основания полагать (англ.: *substantial grounds to believe*), что данное лицо его совершило. При этом указанная Палата вправе как утвердить выдвинутые обвинения с последующей их передачей в ту или иную Судебную палату для рассмотрения по существу, так и не утвердить, что, например, неоднократно имело место в период нахождения на посту Прокурора МУС юриста из Аргентины Л. Окампо. При этом в соответствии с наработанными прецедентами Прокурор должен предоставить Палате «конкретные и осязаемые доказательства, демонстрирующие чёткую линию рассуждений, лежащих в основе соответствующих утверждений»³⁶.

Таким образом, МУС имеет дело, как минимум, с тремя стандартами доказывания. Указанный стандарт «существенные основания полагать» используется при выдвигении обвинений Прокурором и рассмотрении дела Палатой предварительного производства, меньший стандарт «разумные основания полагать» — при выдаче ордера на арест или приказа о явке (статья 58 Римского статута) и, наконец, к самому высокому стандарту — «вне разумных сомнений» — МУС переходит при разбирательстве дела и решении вопроса о виновности подсудимого.

За годы своей работы МУС выработал определённые требования к предъявляемым сторонами доказательствам. Вот некоторые из них:

— для Палаты предварительного производства важно иметь как можно больше судебных (англ.: *forensic*) и иных доказательств; такие доказательства должны быть надлежащим образом удостоверены и быть чётко и неразрывно связаны друг с другом;

— если имеют место свидетельские показания, то это должны быть, по возможности, показания из первых рук, данные свидетелями о том, что они наблюдали лично;

— хотя МУС прямо не отвергает показания с чужих слов (англ.: *hearsay*), тем не менее они будут иметь меньшую доказательственную силу;

— показания с чужих слов менее ценны ещё и потому, что сторонам бывает крайне сложно проверить добросовестность их первоначального источника;

— анонимные показания, нередко служащие основной базой для докладов неправительственных организаций и сообщений прессы, представляются Суду крайне сомнительными с точки зрения их юридической силы³⁷.

Несложно заметить, что, как и в 1945 году на Нюрнбергском процессе, в международном уголовном процессе приоритет по-прежнему отдаётся устным свидетельствам, на которых хотелось бы остановиться подробнее.

4. Гносеологические проблемы устных доказательств в международных уголовных трибуналах

Исследователями подсчитано, что за всё время существования МТБЮ в его работе в качестве свидетелей приняли участие около 4 650 человек³⁸. Традиционно свидетель представлялся перед Трибуналом раз в своей жизни, однако бывали случаи, когда одни и те же свидетели приглашались сторонами в разные процессы (таких было не менее трети). За год до прекращения деятельности МТБЮ отдел по работе с жертвами и свидетелями (англ.: *Victims and Witnesses Section*) провёл уникальное исследование под названием «Эхо свидетельских показаний»³⁹, опросив 2 136

³⁷ См.: Ibid. P.50, 51.

³⁸ См.: Echoes of Testimonies: A Pilot Study into the long-term impact of bearing witness before the ICTY. 2016. P.12. URL: http://www.icty.org/x/file/About/Registry/Witnesses/Echoes-Full-Report_EN.pdf (дата обращения: 28.04.2019).

³⁹ См.: Echoes of Testimonies: A Pilot Study into the long-term impact of bearing witness before the ICTY. 2016.

³⁵ См.: Objectivity of the ICC Preliminary Examinations. P.396.

³⁶ *Tochilovsky V. The Law and Jurisprudence of the International Criminal Tribunals and Courts. P.48.*

человек из тех, кто когда-либо предстал перед Трибуналом. Помимо анализа личных данных респондентов, исследователей интересовало также то, как спустя годы они оценивают свой опыт, полученный в стенах Гаагского трибунала, какие психологические травмы они пережили до, во время или после судебного процесса, наконец, какой была их мотивация в тот момент, когда они решили выступить в непривычном для себя качестве свидетелей обвинения или защиты. Годом позже увидела свет книга американских учёных К. Кинга и Дж. Мерника «Свидетельский опыт: показания в МТБЮ и их влияние»⁴⁰, вобравшая в себя результаты упомянутого исследования. Что же удалось выяснить?

Подавляющее большинство свидетелей (более 60 %) были жителями Боснии и Герцеговины, из них мусульманами признали себя более 90 %, 15,60 % — жителями Хорватии, 14,20 % — Сербии и только 8,30 % — автономного края Косово⁴¹. Больше всего свидетелей было задействовано на процессах в отношении руководителей государства (*Прокурор против Слободана Милошевича, Прокурор против Милана Милутиновича*) или представителей высшего командования (*Прокурор против Ядранко Прлича и других*) — в среднем такие разбирательства требовали от 240 до 350 свидетельских показаний; в отличие от процессов, проводимых в первые годы существования МТБЮ, которые обходились примерно 40–70 свидетелями, но и на скамье подсудимых находились фигуры рангом ниже⁴².

Очевидно, что подобного рода «массовость» была обусловлена отнюдь не праздным любопытством судей, а проистекала непосредственно из доминантно-правовой задачи выявления всех звеньев в цепи командования (англ.: *chain of command*) и, как следствие, установления правильной ответственности подсудимых за содеянное, без чего судебное разбирательство было бы неполным, а приговор базировался бы на зыбких посылках. Однако чем дальше находились подсудимые от «полей смерти», тем сложнее

было выявить корреляцию между замыслами политиков, с одной стороны, и практическим исполнением этих замыслов солдатами — с другой. Особенно ярко это проявилось в деле С. Милошевича, который избегал отдавать прямые приказы⁴³. «За отсутствием прямых свидетельств о наличии плана массового убийства людей, — говорил помощник Прокурора Г. Блуитт, — нам приходится полагаться на косвенные доказательства. Поэтому нам важно доказать одинаковость схемы исполнения убийств. Нам необходимо продемонстрировать, что тактика, использованная югославскими войсками, скажем, в деревне А, полностью аналогична тактике, применённой в деревне В...»⁴⁴.

Особенно трудно, как мы отметили выше, установить командную ответственность — соблюдая стандарты доказывания, принятые в Трибунале, обвинению необходимо было собрать достаточные доказательства того, что политические лидеры либо отдавали приказы о проведении таких операций, либо, зная о совершении этих преступлений, не предпринимали никаких мер для их предотвращения. И вот здесь даёт о себе знать один существенный момент, которому в науке уделяется незаслуженно мало внимания. Речь идёт о необходимости при обвинении лиц высокого ранга искать свидетелей-«инсайдеров», то есть равных или, по крайней мере, сопоставимых с ними по статусу должностных лиц, которые были бы готовы дать уличающие показания. В своё время таким свидетелем стал первый Президент Республики Сербская Краина (автономии сербов в Хорватии) М. Бабич, заключивший с Прокуратурой МТБЮ «сделку о признании вины» и рассказавший немало ценного о деятельности С. Милошевича и своего преемника на президентском посту М. Мартича по разжиганию атмосферы национальной нетерпимости между сербами и хорватами. Однако очевидно, что поиск таких людей представляет большую сложность для обвинения и чреват многочисленными рисками, прежде всего для самих свидетелей, подтверждением чему явилась трагическая судь-

⁴⁰ King K.L., Meernik J.D. The Witness Experience: Testimony at the ICTY and Its Impact. New York: Cambridge University Press, 2017.

⁴¹ См.: Echoes of Testimonies: A Pilot Study into the long-term impact of bearing witness before the ICTY. 2016. P. 33.

⁴² См.: Ibid. P. 40–42.

⁴³ Подробнее об этом см.: Хартманн Ф. Указ. соч. С. 73–156.

⁴⁴ Цит. по: Стовер Э., Шигекане Р. Лица, пропавшие без вести в результате войны: когда сталкиваются интересы семей жертв войны и международных трибуналов по расследованию военных преступлений? // Международный журнал Красногребца. 2002. № 848. С. 141–165, 156.

ба М. Бабича, наложившего на себя руки в тюремной камере.

Учёным удалось также выявить весьма высокую психологическую готовность свидетелей давать показания перед международным трибуналом. Ранее, в 2014 году, исследователи, изучавшие устные доказательства в деятельности Специального суда по Сьерра-Леоне, пришли к выводу, что в основном мотивация свидетелей вызвана двумя причинами: 1) «свидетельствую, чтобы помочь себе»; 2) «свидетельствую, чтобы помочь другим». Выделялись также такие маркеры в мотивации, как стремление пролить свет на истину, воспрепятствовать совершению военных преступлений в будущем, уважить память жертв и другие благородные помыслы⁴⁵. В не меньшей степени сказанное справедливо и для МТБЮ.

Так, стремление помочь судьям принять справедливое решение в качестве основного побудительного мотива для дачи показаний назвали 97,7 % опрошенных респондентов, чуть меньше — 95,3 % — в качестве преобладающего фактора обозначили моральный долг перед жертвами, 81,3 % (неожиданно высокий процент!) — просто хотели «выговориться», 80 % — предотвратить похожую войну в будущем, 58,3 % — разобраться в причинах произошедшего в Югославии и лишь менее 50 % респондентов хотели непосредственно обвинить подсудимого⁴⁶.

Это особенно странно, если учесть, что территориальные образования наподобие Косово, Руанды, Сьерра-Леоне представляют собой «большую деревню» (англ.: *close-knit*), где, при всех мерах предосторожности, об отъезде человека за границу для дачи свидетельских показаний мгновенно узнавала вся округа⁴⁷. В результате по меньшей мере трое свидетелей обвинения по делу одного из лидеров косовских албанцев Р.Харадиная были убиты во время судебного следствия, а

в общей сложности после 1999 года в Косово погибли около 40 албанских свидетелей преступлений, совершённых «Армией освобождения Косово»⁴⁸. Необходимо также учитывать, что люди, уже выступавшие перед международным трибуналом, могли повторно привлекаться к даче свидетельских показаний перед национальным судом, что, в свою очередь, существенным образом умаляло или вовсе сводило на нет желаемую конфиденциальность⁴⁹.

Вместе с тем нельзя забывать, что, помимо личных побудительных мотивов, существуют строгие требования судебной процессуальной формы и состязательного процесса, налагающие на свидетелей как процессуальные фигуры определённые обязательства, далеко не всегда корреспондирующие их первоначальным замыслам, а подчас — открыто искажающие их. Напомним, что процесс в МТБЮ, построенный преимущественно по традиционным англосаксонским лекалам, не знал нейтральных фигур «свидетелей» — все они относились к свидетелям либо обвинения, либо защиты. Поэтому их показания чаще всего были абсолютно предсказуемы, заранее проговаривались со сторонами (англ.: *“proofing” witnesses*) и в подавляющем большинстве случаев нейтрализовали друг друга. Следовательно, искусство представителей сторон заключалось в том, чтобы во время перекрёстного допроса максимально выявить противоречия, умалить значение либо посеять сомнения в правдивости и достоверности показаний свидетеля противоположной стороны. Иногда это удавалось сделать даже самим подсудимым, прежде всего В. Шешелю и С. Милошевичу, отказавшимся от услуг защитника, но имевшим высшее юридическое образование и представлявшим собою хорошо известный на Балканах тип «политика-манипулятора».

Если обратиться к опубликованным стенограммам судебных заседаний, то перед психологическим напором этих двух подсудимых, особенно последнего, чаще всего терялись люди либо некогда находившиеся в прямой служебной зависимости от них и по инерции

⁴⁵ См.: *Stepakoff S., Reynolds G.S., Charters S., Henry N. Why Testify? Witnesses' Motivations for Giving Evidence in a War Crimes Tribunal in Sierra Leone // The International Journal of Transitional Justice. Vol. 8. 2014. No. 3. P.426–451, 431.*

⁴⁶ См.: *Echoes of Testimonies: A Pilot Study into the long-term impact of bearing witness before the ICTY. 2016. P.49.*

⁴⁷ См.: *Stover E. Witnesses and the Promise of Justice in the Hague // My Neighbor, My Enemy: Justice and Community in the Aftermath of Mass Atrocity / ed. by E. Stover, H. M. Weinstein. New York : Cambridge University Press, 2004. P.104–120, 104.*

⁴⁸ Подробнее см.: *De Brouwer A.-M. The Problem of Witness Interference Before International Criminal Tribunals // International Criminal Law Review. Vol. 15. 2015. No. 4. P.700–732, 716, 717.*

⁴⁹ См.: *Combs N.A. Op. cit. P.17.*

продолжавшие воспринимать их в качестве своих начальников, либо занимавшие на социальной лестнице несоизмеримо низшее положение, чем подсудимые (условно говоря, простая крестьянка свидетельствует против бывшего главы государства). Так произошло, например, с главой службы безопасности МВД Сербии Р.Марковичем, который на процессе изменил свою позицию на диаметрально противоположную, фактически превратившись из свидетеля обвинения в свидетеля защиты⁵⁰. Свидетели не такого высокого в прошлом ранга, увидев, например, С. Милошевича на скамье подсудимых, вовсе отказывались давать показания⁵¹.

5. Некоторые заключительные выводы

Если попытаться суммировать некие общие проблемные моменты, характерные для процесса доказывания без привязки к конкретным судебным процессам и даже юрисдикционным органам, то, думается, этот перечень выглядел бы следующим образом:

1. *Значительный временной разрыв* между совершёнными преступлениями и моментом дачи показаний перед международным судом.

Психолог С. Хэлперн провела любопытный эксперимент. Она попросила своих коллег по Кембриджскому психологическому обществу, в котором все, как один, всемирно известные учёные-психологи, рассказать, что происходило на заседаниях общества двумя неделями ранее. В среднем каждый из опрошенных смог вспомнить не более 8 % информации⁵². Что тогда говорить о тех событиях, которые состоялись 10–15 лет назад?

Так, на самом первом процессе в МТБЮ против Д. Тадича, завершённом в 1997 году, давалась юридическая оценка событиям, произошедшим пятью годами ранее, в 1992 году, что вызывало, несомненно, определённые трудности в судебном познании, на которых стремились сыграть и защита, и обвинение⁵³.

Аналогичные события, произошедшие на территории Боснии в 1992–1995 годах, инкриминировались бывшему Президенту Республики Сербской Р. Караджичу, недавно осуждённому Международным остаточным механизмом для уголовного правосудия, однако окончательный приговор в отношении него был вынесен спустя 25 лет с момента анализированных в нём событий. Гибридный же суд по Камбодже, начавший свою работу в 2006 году, вовсе был вынужден осуждать военных преступников за случившееся в 1975–1979 годах, что не преминуло сказаться на реальных показателях его работы (на сегодняшний день в нём осуждены лишь трое обвиняемых)⁵⁴. Ведь за прошедшие десятилетия не только умерли или постарели свидетели, утрачены многие вещественные доказательства и документы, но и сами события в сознании людей — благодаря информационному потоку — трансформировались настолько, что уже крайне сложно отделить личные воспоминания об увиденном и некий общественный нарратив, который агрессивно навязывается тому или иному постконфликтному обществу с помощью СМИ.

Легендарный харьковский процессуалист М. М. Гродзинский, которому мы обязаны появлению в процессуальных кодексах нормы о раздельном допросе свидетелей, ещё в 1920-е годы предостерегал, что со стороны свидетеля возможна не только сознательная ложь, но также и непроизвольное искажение истины⁵⁵. Сказанное вдвойне и втройне справедливо для международного правосудия. В самом деле, можем ли мы ожидать от свидетеля фотографической точности в описании произошедшего, если с момента устанавливаемых фактических обстоятельств прошёл не один десяток лет?

Вслед за немецкими психиатрами учёный установил феномен «единообразия психических явлений», согласно которому «если под влиянием определённых факторов различные лица обнаруживают одни и те же уклоны в

⁵⁰ См.: Мезяев А. Указ. соч. С. 134–139.

⁵¹ См.: Харманн Ф. Указ. соч. С. 139.

⁵² См.: Zahar A. Witness Memory and the Manufacture of Evidence at the International Criminal Tribunals // Future Perspectives on International Criminal Justice / ed. by C. Stahn, L. Van Den Herik. Cambridge : TMC Asser Press, 2010. P. 600–610, 604.

⁵³ См.: Scharf M. Op. cit. P. 139–173.

⁵⁴ См.: Mydans S. 11 Years, \$300 Million and 3 Convictions. Was the Khmer Rouge Tribunal Worth It? // The New York Times, 2017. 10 April. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/10/world/asia/cambodia-khmer-rouge-united-nations-tribunal.html> (дата обращения: 28.04.2019).

⁵⁵ См.: Гродзинский М. Единообразие ошибок в свидетельских показаниях // Архив криминологии и судебной медицины. 1927. Т. I. № 4/5(3). С. 1005–1018, 1005.

своей психике, и если уклоны эти в известных условиях приводят к неправильному изображению действительности этими лицами, то в тех случаях, когда последние выступают в роли свидетелей, неизбежным будет появление в таких свидетельских показаниях тождественных или, по меньшей мере, весьма сходных между собой ошибок»⁵⁶. Применительно к практике международных уголовных трибуналов данный тезис проявляется в повторении в ходе процесса устоявшихся в массовом сознании клише и штампов, пересказе общеизвестной информации о произошедшем, постепенной мимикрии свидетельских показаний в пользу той картины, которая была представлена в печати, а не той, какой она была в реальности⁵⁷. При этом важно, что подобного рода единообразие ошибок, словно эпидемия, овладевает не каким-то одним, а сразу несколькими свидетелями, чем, впрочем, всегда может воспользоваться противоположная сторона. И даже если этот эффект не будет заметен судьям при прямом допросе, тем не менее доказательственные противоречия подобного рода неизбежно всплывут при допросе перекрёстном. Иногда, правда, возникает другая крайность — при этнических чистках нередки случаи, когда в живых не остаётся ни одного человека, а значит, обвинение вынуждено строить свою позицию на косвенных доказательствах и показаниях с чужих слов, вновь рискуя согрешить против точности.

2. Сложности, вызванные не всегда профессиональной работой переводчиков или просто человеческим недопониманием на языковой почве. Например, в том же МТБЮ подавляющее большинство жертв и свидетелей преступлений не говорили на рабочих языках Трибунала. Более того, для множества следователей и адвокатов эти языки тоже не были родными. Особенно ярко это обстоятельство проявилось в деле *Прокурор против Кордича*, в решении по которому Суд был вынужден отметить следующее: «В данном деле следователь призналась, что она не владеет сербско-хорватским языком — тем, на котором разговаривал свидетель, а потому нуждалась в переводчике. Таким образом, показания свидетеля были записаны следователем на английском, притом что её род-

ным языком является датский, а затем написанное было переведено обратно на сербско-хорватский, дабы свидетель подписал изложенное на бумаге. Эти многочисленные переводы в информационном плане могли существенным образом исказить смысл сказанного по контрасту с тем, когда оба говорят на одном и том же языке или, по крайней мере, перевод осуществляется профессионалом синхронно»⁵⁸.

3. Приоритетность живых свидетельств увеличивает риск *неточностей* в свидетельских показаниях, *вызванных особенностями человеческого восприятия*. Так, юристами-психологами установлена закономерность, согласно которой риск ошибиться в показаниях у свидетелей (жертв) насильственных действий выше, чем у свидетелей (жертв) ненасильственных⁵⁹. В этом же ряду находятся такие распространённые неточности в свидетельских показаниях, как ошибки в датах, длительности описываемых событий, мерах длины, веса и т. д. Для свидетелей характерна также неточность в правовой терминологии. Например, в Специальном суде по Сьерра-Леоне свидетель обвинения однажды назвал Прокурора «моим адвокатом»⁶⁰.

Нередко стремление чрезмерно довериться свидетелям приводило суд к двойным стандартам. Так, в решении по делу *Прокурор против Кареры* МТР специально оговорился, что «Судебная палата не придаёт особого значения расхождениям в количестве присутствовавших солдат, поскольку прошло уже достаточно много времени и свидетельские воспоминания могли исказиться». Однако в легендарном решении *Акайесу* Трибунал, напротив, подчеркнул, что «травматический опыт свидетеля мог наполнить его показания гневом и болью и повлиять таким образом на его способность полностью и адекватно передать последовательность событий в их юридическом смысле»⁶¹.

Таковы лишь некоторые из множества интереснейших проблем, которые возникают в связи с процессом доказывания в органах международного уголовного правосудия.

⁵⁸ Цит. по: *Tochilovsky V. The Nature and Evolution of the Rules of Procedure and Evidence. P. 167, 168.*

⁵⁹ См.: *Combs N. A. Op. cit. P. 15.*

⁶⁰ *Ibid. P. 40.*

⁶¹ Цит. по: *Zahar A. Op. cit. P. 605.*

⁵⁶ Гродзинский М. Указ. соч. С. 1016.

⁵⁷ См.: *Combs N. A. Op. cit. P. 16.*

Библиографическое описание:

Евсеев А. Особенности доказывания в практике органов международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2019. № 3 (31). С. 69–83.

Features of evidence in the practice of international criminal justice

Oleksandr Yevsieiev

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, Faculty of Law, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: apevseyev@gmail.com).

Abstract

The article deals with a block of problems related to the process of proving before the international criminal justice bodies, particularly the International Criminal Court, as well as the two international criminal tribunals *ad hoc*: for the former Yugoslavia and for Rwanda. It underlines the influence that the Anglo-Saxon institutions, including the evidence law, stressed on the constituent documents and the practical activities of these jurisdictional bodies. Appealing to the past of the international criminal justice, mainly the experience of the Nuremberg trial 1945–1946, the author notes the significant changes that have occurred over the past decades in the field of characteristics and the list of evidence with which international courts operate. In particular, the increasing use of visual evidence, as well as digital evidence, obtained through the Internet, has become more and more widespread. Special attention is paid to the oral testimony of the witnesses and the defendants who remain *conditio sine qua non* carried out in strict procedural forms of legal activity aimed at establishing the factual circumstances. Introspection is done in specific court proceedings that took place during the period of the ICTY's existence, above all, the trial of the former Serbian President S. Milosevic. An attempt is made to highlight some common problems characteristic of all types of evidence in the international criminal procedure. Among the difficulties which appear in connection with the evidence law in the international criminal justice one can name the significant time gap between committed crimes and the moment of presenting evidence before an international court. Indeed, over the past decades, not only the witnesses died or grew old, the material evidence and many documents were lost, but also the events themselves have been transformed so radically by the daily information input that it is already extremely difficult for the people to separate the personal memories of what they saw and the kind of social narrative that is aggressively imposed to the post-conflict societies through the media. Other difficulties are caused by the non-professional work of the translators or simply by human misunderstanding on a language basis. For example, in the ICTY the vast majority of the victims and the witnesses did not speak the working languages of the Tribunal. It is stressed that the priority of oral evidence increases the risk of testimonial inaccuracies which are caused by human perception. That is why the psychologists identified a pattern according to which the risk of mistaking the testimony of witnesses (victims) of violent acts is higher than that of witnesses (victims) of non-violent.

Keywords

judicial cognition; burden of proof; proofing; International Criminal Court; International Tribunal for the Former Yugoslavia; International Tribunal for Rwanda.

Citation

Yevsieiev O. (2019) Osobennosti dokazyvaniya v praktike organov mezhdunarodnogo ugovornogo pravosudiviya [Features of evidence in the practice of international criminal justice]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 9, no. 3, pp. 69–83. (In Russian).

References

- Baer A., Sznajder N. (2017) *Memory and Forgetting in the Post-Holocaust Era*. New York: Routledge.
- Combs N. A. (2010) *Fact-finding Without Facts*. New York: Cambridge University Press.
- De Brouwer A.-M. (2015) The Problem of Witness Interference Before International Criminal Tribunals. *International Criminal Law Review*, vol. 15, no. 4, pp. 700–732.
- Douglas L. (1995) Film as Witness: Screening “Nazi Concentration Camps” Before the Nuremberg Tribunal. *The Yale Law Journal*, vol. 105, no. 2, pp. 449–481.
- Getman-Pavlova I. V., Filatova M. A. (2017) Poluchenie i predstavlenie dokazatel'stv v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse (otdel'nye teoreticheskie i prakticheskie problemy) [Evidence getting and presenting in international civil procedure (particular theoretic and practical problems)]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 23, no. 3, pp. 96–109. (In Russian).
- Gilbert G. (2012) *Nyurnbergskiy dnevniki* [Nuremberg diary], Moscow: Veche. (In Russian).
- Golovko L. V. (2009) Materialy k postroeniyu sravnitel'nogo ugovornoprotsessual'nogo prava: istochniki, dokazatel'stva, predvaritel'noe proizvodstvo [Materials to the construction of the comparative criminal procedure: sources, evidences, pre-trial investigation]. In: *Trudy yuridicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova* [The papers of the judicial faculty of the MSU named after M. V. Lomonosov], vol. 11, Moscow: Pravovedenie, pp. 227–360. (In Russian).
- Grigoryev V. N., Antonov A. N. (2013) Reshenie Tribunala po byvshey Yugoslavii po delu Gotovina/Markach kak ocherednoy provol mezhdunarodnogo pravosudiviya [The decision of the Tribunal for the former Yugoslavia in the Gotovina/Markach case as (regular) failure of international justice]. *Mezhdunarodnoe ugovornoe pravo i mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 9–15. (In Russian).
- Grodzinskiy M. (1927) Edinoobrazie oshibok v svidatel'skikh pokazaniyakh [Uniformity of errors in testimony]. *Arkhiv kriminologii i sudebnoy meditsiny*, vol. 1, no. 4/5 (3), pp. 1005–1018. (In Russian).
- Hartmann F. (2018) *Mir i nakazanie: taynye voyny mezhdunarodnoy politiki i pravosudiviya* [Peace and punishment: the secret wars of international politics and justice], Kharkov: Yurait. (In Russian).
- Hazan P. (2004) *Justice in a Time of War*, Texas, TX: A&M University Press.
- King K. L., Meernik J. D. (2017) *The Witness Experience: Testimony at the ICTY and Its Impact*, New York: Cambridge University Press.
- Medvedev I. G. (2004) Dokazatel'stva v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse [The evidences in the international civil procedure]. *Rossiyskiy ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsesssa*, no. 2, pp. 228–281. (In Russian).
- Mezyayev A. (2005) *Protsess protiv S. Milosheвича v Gaagskom tribunale: Zapiski iz zala suda* [The trial against S. Milosevic in the Hague tribunal: Notes from the court room], vol. 1, Kazan: Titul-Kazan'. (In Russian).
- Murphy P., Baddour L. (2010) International Criminal Law and Common Law Rules of Evidence. In: Khan K., Buisman C., Gosnell C. (eds.) *Princi-*

- ples of Evidence in International Criminal Justice*, New York: Oxford University Press, pp. 96–156.
- Petrovic V. (2014) A Crack in the Wall of Denial: The “Scorpions” Video in and out of the Courtroom. In: Zarkov D., Glasius M. (eds.) *Narratives of Justice in and out of the Courtroom*, The Hague: Springer International Publishing, pp. 89–110.
- Petrovic V. (2015) Power(lessness) of Atrocity Images: Bijeljina Photos Between Perpetration and Prosecution of War Crimes in the Former Yugoslavia. In: *International Journal of Transitional Justice*, vol. 9, no. 3, pp. 367–385.
- Rents I. G. (2018) *Fakty i dokazatel'stva v mezhdunarodnykh sporakh: mezhu istinoy i spravedlivost'yu* [Facts and evidences in the international disputes: between truth and justice], Moscow: Statut. (In Russian).
- Rozenblit S. Ya. (1948) *Pokazaniya svideteley i podsudimyykh v mezhdunarodnom ugolovnom protsesse* [The testimonies of witnesses and defendants], Moscow: Yurizdat. (In Russian).
- Scharf M. (1997) *Balkan Justice*, Durham: Carolina Academic Press.
- Stepakoff S., Reynolds G. S., Charters S., Henry N. (2014) Why Testify? Witnesses' Motivations for Giving Evidence in a War Crimes Tribunal in Sierra Leone. In: *The International Journal of Transitional Justice*, vol. 8, no. 3, pp. 426–451.
- Stover E. (2004) Witnesses and the Promise of Justice in the Hague. In: Stover E., Weinstein H. M. (eds.) *My Neighbor, My Enemy: Justice and Community in the Aftermath of Mass Atrocity*, New York: Cambridge University Press, pp. 104–120.
- Stover E., Shigekane R. (2002) Litsa, propavshie bez vesti v rezul'tate voyny: kogda stalkivayutsya interesy semey zhertv voyny i mezhdunarodnykh tribunaltov po rassledovaniyu voennykh prestupleniy? [The missing in the aftermath of war: when do the needs of victims' families and international war crimes tribunals clash?]. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*, no. 848, pp. 141–165. (In Russian).
- Tochilovsky V. (2010) The Nature and Evolution of the Rules of Procedure and Evidence. In: Khan K., Buisman C., Gosnell C. (eds.) *Principles of Evidence in International Criminal Justice*, New York: Oxford University Press, pp. 157–184.
- Tochilovsky V. (2014) *The Law and Jurisprudence of the International Criminal Tribunals and Courts*, 2nd ed., Cambridge: Intersentia.
- Tochilovsky V. (2018) Objectivity of the ICC Preliminary Examinations. In: Bergsmo M., Stahn C. (eds.) *Quality Control in Preliminary Examination*, vol. 2, Brussels: TOAEP, pp. 395–410.
- Yevsieiev O. (2017) “Prorabotka proshlogo”: slozhnost' sudebnogo poznaniya [“Dealing with the past”: the difficulties of forensic truth]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 24, no. 4, pp. 122–136. (In Russian).
- Yevsieiev O. P. (2018) Vozmozhnye puti osushchestvleniya mezhdunarodnogo pravosudiya dlya Sirii [The possible ways of implementation of the international justice for Syria]. *Visnyk Kharkovskogo natsionalnogo universitetu imeni V. N. Karazina*, no. 25, pp. 134–140. (In Russian).
- Zahar A. (2010) Witness Memory and the Manufacture of Evidence at the International Criminal Tribunals. In: Stahn C., Van Den Herik L. (eds.) *Future Perspectives on International Criminal Justice*, Cambridge: TMC Asser Press, pp. 600–610.